

РОЛЬ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РУССКО-АРМЯНСКОМ СБЛИЖЕНИИ

(XVII—начало XIX вв.)

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН

В. И. Ленин, рассматривая критерии научного подхода к истории, учил «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Теперь, когда нации и народы Советского Союза составляют новую историческую общность—единый советский народ, весьма интересно бросить ретроспективный взгляд на последовательный ход исторических событий, отвечающих на вопрос—как это явление возникло и какие главные этапы прошло в своем развитии. В этом смысле представляет большой интерес и изучение относительно далекого прошлого—истории взаимоотношений народов СССР, формирования их содружества и общности их интересов. Наряду с изучением исторического опыта взаимоотношений народов СССР в сфере экономики и политики интересно также изучение истории сближения этих народов в сфере идеологической, в области общественной мысли, науки и культуры.

Истории армяно-русских отношений, истории постепенного сближения армянского и русского народов посвящено большое количество ценных и интересных научных трудов как русских, так и армянских исследователей. Изучены многие экономические, политические и культурные аспекты русско-армянских отношений. Однако русская общественная мысль, как фактор русско-армянских отношений периода до начала XIX в., изучена недостаточно. Русская историческая литература XVII—начала XIX вв., являясь частью русской общественной мысли, оказала определенное влияние на формирование убеждений как русской, так и армянской общественности и способствовала процессу духовного сближения русского и армянского народов. Нами впервые выдвигается и рассматривается эта проблема.

Внимательное изучение русских летописей и литературных памятников летописного периода, а также русской исторической и политической литературы XV—XVI вв. показывает, что имевшиеся в них данные об Армении уже в этот период носили не только научно-познавательный характер, но и содержали в себе определенные элементы политической направленности, элементы сочувствия к положению армянского народа, которые не могли не способствовать формированию определенного мнения у русской общественности того времени.

Заслуживает в этом смысле особого внимания известная «Повесть о Царьграде»². Автор этой повести—Нестор Искандер (Алек-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

² «Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора Искандера XV века. По рукописи Троице-Сергиевой Лавры, нач. XIV в., № 773. Сообщил архимандрит Леонид», СПб., 1866.

сандр), живший в XV в., русский по национальности, волею судеб в молодые годы попал в плен к туркам и вынужден был принять мусульманство. Ему довелось находиться в рядах турецких войск, осадивших Царьград в 1452—1453 гг. Симпатизируя и сочувствуя осажденным грекам, он решил написать историю этой осады и падения Царьграда. Так родилась «Повесть о Царьграде», документ, которому принадлежит уникальное место в мировой литературе о падении Царьграда, так как он составлен очевидцем события и непосредственно в дни, когда оно происходило. Нестор Искандер сообщает о том, что в кровопролитных последних боях за Царьград, в марте и апреле 1453 г. наряду с греками и фрягами (итальянцами), активно участвовали и армяне, давшие большие жертвы в этих боях. Описывая битву 8 апреля 1453 г., Нестор Искандер пишет: «На утрия же повеле цесарь собрати трупиа и не обретоша людей: вси бо бяху опяща утрудився, и посла Цесарь к Патриарху, да повелит священником и дьяконом собрати мертвья и погresti я, и абие собирашя множество священник и дьяконов, и взяша мертвья и погребоша их, бяху же число Греков 1740, а Фряг и Армен 700»³. Далее он описывает битву 24 апреля 1453 г., видимо, самую кровавую. Здесь также читаем: «На утрия же цесарь повеле священником и дьяконом тажко собрати трупия и погresti а, иже еше бяху живы раздати врачем. И собраша мртьвых Греков и Фряг и Армен и иных людей 5.700»⁴.

Общеизвестно, какое огромное значение придавала русская общественность судьбе Царьграда. С горечью и сожалением подчеркивалось уже в летописной русской литературе, что Запад не помог грекам в обороне Царьграда, что «не бысть ниоткуда помощи царю Константину»⁵. В свете сказанного упоминание об участии армян в обороне Царьграда не могло не вызвать у русского читателя чувства уважения к памяти армян, сражавшихся на стороне греков и павших в ходе обороны Царьграда.

В русских исторических источниках XVI в. имеются интересные факты, свидетельствующие о солидарности армян с борьбой славянских народов. Представляет в этом отношении большой интерес и известный «Казанский летописец», в котором дана история Казанского царства и особенно история его присоединения к России в 1552 г. Описанное казанским летописцем поведение армянских лушкарей, фактически отказавшихся стрелять в штурмующих Казань русоких⁶, естественно, также должно было привлечь к ним симпатии русской читающей общественности.

Постепенно, по мере усиления в России интереса к Османской империи, в русские летописи и источники проникают конкретные сведения и о борьбе Армении против чужеземных, в частности турецких, завоевателей. Так например, в «Хронографе Западно-русской редакции» мы уже находим данные о турецком нашествии на Армению и армянском царе, который «знамените турки поразил»⁷.

³ Там же, с. 10.

⁴ Там же, с. 14.

⁵ «Холмогорская летопись». Поли. собр. русских летописей (далее—ПСРЛ), т. 33, Л., 1977, с. 111.

⁶ «Казанская история», подготовка текста, вступит. статья и примечания Г. Н. Моисеевой, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1954, с. 134—135.

⁷ ПСРЛ, т. 22, часть вторая, Петроград, 1914, с. 255.

По мере усиления угрозы со стороны Османской империи южным границам России, в период, когда начинаются непосредственные столкновения России и Турции, русские люди, в отдельных случаях, уже воочию наблюдают отношение турецких завоевателей к армянам, проживавшим на территории России, а порою оказываются и в одинаковом с армянами положении в смысле религиозного преследования. Например, «Летописец Малая России», повествуя о событиях 1672 г. и взятии города Каменец турками, сообщает о тяжелом положении, в котором оказались русские и армяне. «А в Каменцю оставшая Русь,—читаем в летописи,—испросила себе у турков три церкви, армяне же одну, в которых зъ великим трудом молитвы церковные совершали»⁸.

В целом, касаясь средневекового периода, мы имеем основание говорить о зачатках духовного сближения русского и армянского народов на почве рано установившихся отношений между двумя народами, познания их друг другом, деловых связей и сотрудничества в области экономики и культуры. Позитивное отношение русской общественности к проживавшим в России армянам преодолевало даже преграды, которые иногда пыталась ставить церковь в отношениях между двумя народами. Анализируя негативную позицию некоторых русских церковных деятелей XIV—XV вв. по отношению к армянской церкви, акад. М. Н. Тихомиров писал: «Рядовые русские люди не чувствовали больших различий между православием и армянским вероисповеданием, охотно общались и пиروвали с армянами, допускали их в свои церкви, дружили и вступали с ними в браки»⁹.

Первые наглядные представления русских людей о самой Армении, об армянском народе и его положении нашли свое отражение в сочинениях русских путешественников XVI—XVII вв. Их суждения уже являются более конкретными, предметными, а их взгляд на Армению—результатом увиденного и прочувствованного. Начиная с этого времени, в русской исторической литературе появляются новые материалы, свидетельствующие как о тяжелом положении Армении под иноземным гнетом, так и об определенном сочувствии авторов этих сочинений к армянскому народу и его освободительной борьбе.

В 1634—1635 гг. русский священник Яков Лызлов вместе с русским посланником Борисом Двореничовым посетили Крым. Яков Лызлов описал это посещение в своем «Сказании священника Иакова»¹⁰. В этом «Сказании...» имеются интересные факты, характеризующие тяжелое положение армян и греков в Крыму, в период татарского владычества, и сочувственное отношение Якова Лызлова к их положению. Описывая город Кермень (Инкерман) и отмечая, что «живут в нем татарове, и гречане, и армени»¹¹, Лызлов указывает на гонения и преследования армян и греков со стороны татар: «...а по городам,—пишет он,—многие христианские церкви разорены жь, а промеж гор живут армен и христиан много: но от насилия татарского благочестие изсякло»¹². Вместе с

⁸ См. «Российский магазин трудами Феодора Туманского», ч. III, кн. 2, СПб., 1793, с. 213.

⁹ М. Н. Тихомиров, Древняя Москва, М., 1947, с. 143.

¹⁰ «Сказание священника Иакова» опубликовано в журнале «Записки Одесского общества истории и древностей» (ЗООИД), т. 2, отд. 2-е и 3-е, Одесса, 1850.

¹¹ Там же, с. 688.

¹² Там же, с. 689.

тем, Лызлов показывает, как вопреки этим насилиям армяне и греки пытаются соблюдать свои религиозные обряды¹³.

В изучаемом нами аспекте представляют большой интерес и другие литературные памятники XVII в.—«Хождение...» русского купца Федота Котова, посетившего в ходе своего путешествия и Армению, в 1623—1624 гг., а также «Проскинитарий» Арсения Суханова, известного общественного и политического деятеля России, посетившего Армению в середине XVII в. И Котов, и Суханов оставили красноречивые записи, свидетельствующие о тяжелом положении армянского населения под турецким и персидским игом, о разрушении армянских памятников культуры, о физических насилиях захватчиков над армянами, о стремлении армян сохранить свой язык и свою письменность¹⁴. Оба путешественника не только отмечают разорения и насилия, свидетелями которых они были, но и указывают на независимость Армении в прошлом, на созидательный труд, когда-то процветавший на этой земле. Общность наблюдений и общность отношения к виденному нетрудно заметить.

Интерес к Армении и к ее положению возрастает в России со второй половины XVII в. Это было вызвано, в частности, все растущим в России политическим и научным интересом к Востоку, к Оттоманской империи и к шахскому Ирану, к освободительной борьбе народов, находившихся под игом восточных деспотий, а также активизацией непосредственных русско-армянских отношений. В России появляется много произведений, посвященных Оттоманской империи, в которых освещается положение угнетенных ею народов, в том числе и армян.

В этом плане наиболее интересным трудом конца XVII в. является «Скифская история» Андрея Лызлова, посвященная истории борьбы России и других народов против татаро-турецких нашествий и завоеваний. В этой книге Лызлов неоднократно пишет о завоевании Армении турецкими захватчиками, подчеркивает жестокий характер турецких нашествий, рассказывает о тяжелом положении армянского населения, подвластного Оттоманской империи, рассматривает Армению и армянский народ в едином строю народов, боровшихся против османского ига¹⁵.

Процесс духовного сближения русского и армянского народов приобрел новое качество в XVIII в. Это новое качество было связано как с особенностями русско-армянских отношений, так и с теми коренными изменениями, которые произошли в русской культуре и духовной жизни, благодаря которым XVIII в. стал веком духовного сближения русского народа не только со многими народами России, но и с народами зарубежного мира. Лишь в этом общем процессе можно правильно понять и русско-армянское духовное сближение и, в частности, роль русской исторической мысли в этом процессе.

XVIII в. вошел в русскую историю как век больших преобразований в экономической, политической и культурной жизни России.

¹³ Там же, с. 690.

¹⁴ «Хождение купца Федота Котова в Персию», публикация Н. Кузнецовой, М., 1958, с. 56—57 и др., а также «Путешествие по святым местам Арсения Суханова в 1651 году» (в кн.: «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», т. 2, кв. 8, СПб., 1849, с. 216—218 и др.).

¹⁵ «Скифская история...», М., 1787, ч. I, с. 58; ч. II, с. 107, 111, 139, 151; ч. III, с. 38—39 и др.

Расширение общения представителей русской культуры с культурами других народов, как вне России, так и в пределах Российской империи, развитие идей веротерпимости, как новые черты русской культуры XVIII в., особенно важны для рассмотрения нашей проблемы, ибо в результате этих сдвигов возрос интерес к истории, культуре, языкам других народов, и в том числе армянского народа.

Русский XVIII в. содержит много интересного и с точки зрения отношения русской общественной мысли и науки к Армении и к армянскому народу, что до сих пор не рассмотрено в исторической литературе.

Рассматривая идеологические факторы русско-армянского сближения, не следует обходить вопрос о русско-армянских церковных отношениях. Их рассмотрение необходимо не только для того, чтобы показать, как влиял на русско-армянское сближение фактор принадлежности обоих народов к одному и тому же христианскому вероисповеданию, но и еще больше для того, чтобы показать, как преодоление религиозных предрассудков способствовало все большему и большему сближению русского и армянского народов. Вопрос о значении и роли преодоления религиозной конфронтации во взаимоотношениях народов, роли преодоления религиозных предрассудков в деле сближения не только русского и армянского народов, но и всех народов и сегодня, в XX веке, остается остро актуальным научно-политическим вопросом. Поэтому мы считаем нелишним затронуть этот вопрос, в данном случае на примере русско-армянских отношений.

Когда речь идет о средневековье, в таком вопросе, как позиция общественной мысли или ее части—исторической мысли, нельзя сбрасывать со счетов религию и религиозную идеологию. Следует помнить указание Энгельса о том, что «догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона... Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»¹⁶.

Считаем необходимым отметить, что отношение русской православной церкви к армяно-григорианской церкви и отражение этих отношений в русской исторической литературе на протяжении веков хотя и не были однозначными, однако главной тенденцией было их сближение. Эта тенденция особенно наглядно прослеживается начиная с XVII в. Такой ортодоксальный в вопросах православия русский церковный деятель XVII в., как Арсений Суханов, критикуя армянскую церковь, вместе с тем уже в некоторых вопросах соглашается с ее догматами, даже если они противоречат греческим. Небезынтересно, например, что, полемизируя с греками по вопросу сложения перстов, Суханов говорил грекам: «Вы говорите, что и армяне так же крестятся, как и мы; так что ж из этого? Если армянин хорошо поступает по старому преданию, чем оно виновато? И если грек измыслит что-либо новое, чем оно право?»¹⁷. Во второй половине XVII в. еще более смягчаются русско-армянские церковные отношения, о чем свидетельствует ряд документов.

¹⁶ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 7, с. 360—361).

¹⁷ С. Белокуров, Арсений Суханов. Исследование Сергея Белокурова, часть вторая, вып. I, М., 1893, с. 223.

В «Привилегии на Академию, данную царем и великим князем Феодором Алексеевичем 1682 года», говорится о недопустимости ряда ересей, дается категорическое указание—«польских и латинских, и калвинских и прочих еретических книг у себя дома не держати»¹⁸, но об «армянской ереси» в этом документе уже не упоминается. В «Духовной Иоакима Патриарха» (конец XVII в.) патриарх, обращаясь к царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, критикует ереси и завещает запретить общение «с еретиками иноверцами, со латины, лютеры, калвины и со злобными татараы»¹⁹, завещает им запретить строить их церкви, общаться с ними, но «армянской ереси» в этом перечне также нет.

На протяжении всего XVIII в. происходит интенсивный процесс дальнейшего сближения русской православной и армяно-григорианской церквей. Армянскими общественными деятелями издаются на русском языке книги, посвященные армянской церкви, для ознакомления русских читателей с ее историей и структурой. Такую цель преследовали, в частности, труды архиепископа Иосифа Аргутинского²⁰. Как видим, в русле самих церковных отношений происходил процесс преодоления противоречий во взаимоотношениях русской и армянской церквей.

Рассмотрим второй, политический аспект. Политические интересы России, как внутри империи, в смысле регулирования отношений с многочисленными народами, входившими в нее, так и особенно внешне-политические задачи, стоящие перед Россией, настоятельно требовали расширения связей со многими странами и народами, чему уже мешали традиционные предрассудки и религиозные разногласия. И не случайно, что со второй половины XVII в. светские власти, политические деятели России начинают придавать важное значение этим вопросам. Ярким примером этого является деятельность Петра I, как в отношении церкви в целом, так и, в частности, в вопросе взаимоотношений русской православной церкви с католической и другими церквями. Не ускользнули из поля деятельности Петра I и русско-армянские церковные отношения. По личному указанию Петра I известный знаток богословия и церковной истории Федор Поликарпов перевел с греческого на русский язык книгу «Чин армяно-григорианской литургии»²¹. Рукопись этого перевода хранилась в личной библиотеке Петра²². Активно занимаясь русско-армянскими отношениями, Петр I, видимо, хотел лучше ознакомиться и с церковными отношениями, в которых еще оставались следы отмеченного нами антагонизма.

Однако еще более важным фактором в преодолении религиозных предрассудков и в усилении процесса сближения русского народа с другими народами, и в том числе с армянским, был процесс, происходящий вне церковной и политической сферы,—развитие русской обще-

¹⁸ «Древняя Российская Вивлиофика», сентябрь, 1773, с. 232.

¹⁹ Там же, апрель-июнь, 1774, с. 125.

²⁰ К ним относятся: «Исповедания христианския веры Арменския церкви, переведенное с арменскаго на российский язык и изданное тщанием преосвященнаго Иосифа, архиепископа арменскаго народа, обитающаго в России и кавалера князя Аргутинскаго», изданное в Санктпетербурге в 1799 г. В эту книгу включены также два других сочинения Аргутинскаго: «Таинство крещения Арменския церкви» и «Чин священныя и божественныя литургии Арменския церкви».

²¹ И. Голиков, Деяния Петра Великаго..., ч. IX, М., 1789, с. 473.

²² «Библиотека Петра I. Указатель-справочник», сост. Е. И. Боброва, под ред. Д. С. Лихачева, Л., 1978, с. 51.

ственной, в том числе исторической мысли, все большее и большее утверждение в них идеи веротерпимости, борьбы передовых представителей общественной мысли против религии и церкви в целом, формирование русского просветительства.

Первым в русской исторической литературе совершил поворот в оценке армянской церкви В. Н. Татищев. В своем «Лексиконе...», говоря о взаимоотношениях армяно-григорианской и греко-православной церквей, он отмечает попытки греков присоединить армянскую церковь к греческой и в этой связи пишет: «Хотя о соединении их много греки прилежали, но за недостатком ученых оставили»²³. Такая формулировка, признание неудачи греческой церкви в ее борьбе с армяно-григорианской, да и то на богословско-теоретической («за недостатком ученых») почве, были для того времени невиданно смелым разрывом с традиционными в России взглядами на греко-армянские церковные отношения. Этот разрыв, с одной стороны, был результатом нового отношения лично Татищева к вопросам религии, типичной для него позиции веротерпимости, а с другой --- был подготовлен ходом политической жизни и развитием общественной мысли в России.

С точки зрения русско-армянского сближения сыграли большую роль труды идеологов купечества, зачинателей буржуазной исторической мысли—П. И. Рычкова, И. И. Голикова, Ф. И. Туманского. Разрабатывая историю торговли и промышленности и исходя из экономических интересов России, они в своих трудах широко популяризовали деятельность представителей армянской торговой буржуазии, неоднократно подчеркивали пользу русско-армянского торгового сотрудничества для обеих сторон и подчеркивали свое положительное отношение к переселению армян в Россию. Их труды помогали как выработке положительного отношения в кругах русской торговой буржуазии к ее сотрудничеству с армянской, так и значительно содействовали укреплению русской ориентации армянской торговой буржуазии.

В этом плане представляют большой интерес труды видного русского историка XVIII в., первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук Петра Николаевича Рычкова, в частности, его «Топография Оренбургская»²⁴. Рычков не только дает высокую оценку участию представителей армянских торговых кругов в русской торговле, но и четко ставит вопрос о русско-армянском торговом сотрудничестве, что для тех времен имело важное политическое значение²⁵. Рычков был не одинок в своем мнении о пользе для России деятельности армянских купцов и необходимости их привлечения к русской торговле. Как показывает изучение вопроса, большинство русских историков XVIII в., и особенно идеологи купечества, стояли именно на этой позиции, что бесспорно, способствовало армяно-русскому сближению.

Большую роль сыграли в этом смысле и труды М. Д. Чулкова²⁶. В них изложена последовательная покровительственная политика русско-

²³ «Лексикон Российской исторической, географической, политической, сочиненный господином тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым», ч. I, СПб., 1793, с. 62.

²⁴ «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым», СПб., Имп. Акад. наук, 1762, ч. I, 331 с.: ч. 2. 262 с.

²⁵ Там же, ч. I, с. 189, 317; ч. II, с. 30—31.

²⁶ «Историческое описание российской коммерции...», т. 1—7, СПб.—М., 1781—1788.

го правительства в области русско-армянских торгово-экономических связей, широко показана хозяйственная и политическая деятельность представителей армянской торговой буржуазии по укреплению русско-армянских связей и по переселению армян в Россию. Если учесть, что книга Чулкова имела широкое хождение среди русской буржуазии и большое влияние на русское купечество, то он также способствовал выработке позитивной позиции русской торговой буржуазии в деле ее сотрудничества с армянской.

Не меньшим, если не большим, влиянием на русскую общественность и особенно на крупную торговую буржуазию, пользовались И. Голиков и его капитальный труд о Петре I²⁷. Показ Голиковым в своем труде того, какое большое значение придавал русско-армянским отношениям Петр I, какое он отводил место Армении в своей политике, публикация важнейших петровских документов об армянах, личная благожелательная авторская позиция Голикова в отношении к Армении сыграли большую роль в формировании мнений русской общественности во круг русско-армянских отношений.

Само появление книг Голикова, Чулкова, Рычкова и других авторов, обилие в них фактов о русско-армянском экономическом, военном, политическом, культурном содружестве вдохновляли и армянские общественные круги, проводившие русскую ориентацию. Содержащиеся в трудах ряда русских дворянских историков материалы и положения также играли положительную роль в русско-армянском культурном и духовном сближении.

Бесспорно, представляло интерес для русской общественности и не могло не влиять на ее отношение к армянам внимание В. Н. Татищева к армянскому языку и армянским историческим источникам, к культуре и судьбе армянского народа. Татищев способствовал укреплению русско-армянских отношений не только своей научной деятельностью, но и непосредственным, активным участием в решении многих политических и экономических вопросов, связанных с этими отношениями. Глубокое понимание Татищевым значения русской ориентации армян в общей системе российской политики на Востоке, благожелательная позиция этого видного сановника Российской империи по отношению к поселенцам-армянам играли большую роль в русско-армянском сближении.

Большое место в духовном и культурном сближении русского и армянского народов принадлежит наследию Н. М. Карамзина. Выявив в русских первоисточниках и архивных документах огромное количество новых материалов, свидетельствующих о многогранных русско-армянских связях со времен Киевской Руси, он создал фактическую основу истории многовековых отношений двух народов. Выявленными им материалами до сих пор пользуются историки, разрабатывающие эти проблемы. Материалы об армянах, помещенные в журналах, издаваемых Карамзиным²⁸, также сыграли большую роль в ознакомлении русской общественности с положением армянского народа в канун присоединения Восточной Армении к России.

Важным фактором, способствовавшим духовному сближению армян с Россией, был интерес, проявленный в русской исторической лите-

²⁷ «Деяния Петра Великого мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам, ч. 1—12, М., 1788—1789. Дополнение к деяниям Петра Великого, т. 1—18, М., 1790—1797 гг».

²⁸ «Вестник Европы», 1802, № 7, с. 265 и др.

ратуре XVIII в. к таким вопросам, как завоевание Армении иноземными захватчиками, ее борьба против захватчиков, положение армян в условиях турецкого и персидского ига, интерес к прошлой государственности армян и к памятникам их культуры.

Во многих исторических трудах, как, например, в популярной в России в середине XVIII в. книге «История города Константинополя...»²⁹, в трудах И. Н. Болтина³⁰ проявляется заметный интерес к этим вопросам. Интерес к истории завоевания Армении иноземными захватчиками и к сопротивлению армянского народа этому завоеванию проник и в другие весьма популярные историко-политические сочинения русских авторов XVIII в. (например, в «Цареградские письма»³¹, в которых уделено много места тяжелому положению армян и других угнетенных в Османской империи народов)³².

Содержащиеся в трудах академика П. С. Палласа³³, П. Сумарокова³⁴, в русской справочной и энциклопедической литературе, поэзии материалы и положения, свидетельствовавшие как о покровительственной политике русского правительства по отношению к армянам-поселенцам в России, так и о благожелательном отношении русской общественности к ним способствовали активизации процесса переселения армян в Россию, что в свою очередь укрепляло русско-армянские связи.

Малочисленные и разрозненные, но интересные сведения об Армении начинают проникать в XVIII в. и в русские учебники, справочную и популярную литературу, становятся достоянием более широкого круга читателей. Уже в «Киевском синопсисе», который был очень популярен в России и являлся фактически учебником по истории, можно было прочитать о том, что Армения являлась одной из основных стран завоеванной турками Малой Азии³⁵. Интересные данные об армянах встречаются в учебнике по географии Харитона Чеботарева³⁶. В нем имеются сведения об армянах, проживавших в Астрахани, в Нежине и в других местах России, сообщается об их церквях, слободах, о торговле, ведшейся

²⁹ «История города Константинополя с начала построения до нынешних времен, показывающая все случившиеся в нем перемены и прочия достопамятности в царствование греческих императоров, с обстоятельным описанием жестокой осады и покорением его Магометом II, Султаном Турецким. Во граде Святого Петра 1751 года», с. 39.

³⁰ «Примечание на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Сочиненная генерал-майором Иваном Болтиным», т. I, СПб., 1788, с. 38.

³¹ «Письма цареградские о древних и нынешних турках...», СПб., 1789.

³² Там же, с. 15—16, 39 и др.

³³ «П. С. Палласа доктора медицины, профессора натуральной истории и члена Российской императорской академии наук... путешествие по разным провинциям Российской империи», СПб., ч. 1—3, 1773—1788.

³⁴ «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароковым», М., 1800; *его же*, Досуги Крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова, СПб., т. 1, 1803; т. 2, 1805.

³⁵ «Синопсис, или Краткое описание о начале славянского народа», СПб., 1735, с. 8.

³⁶ «Географическое методическое описание Российской империи с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще, для наставления обучающегося при Императорском Московском Университете юношества из лучших новейших и достоверных писателей, собранное трудами Университетского питомца Харитона Чеботарева», М., 1776.

ими³⁷. Данные подобного же рода об армянах, проживавших в России, и, в частности, о переселении армян во вновь присоединенные к России южные районы, можно встретить в книге С. Н. Плещеева³⁸. Очень много интересных сведений об армянах в России содержится в капитальном словаре Льва Максимовича³⁹. В таких статьях, как «Феодосия», «Бухария», «Таврическая область» и др., есть много сведений об армянских школах, церквях, хозяйственной деятельности армян в России⁴⁰. И в этом словаре, как во многих других книгах, подчеркивается тяжелое положение армян под турецким игом, в частности на примере Крыма, в связи с которым говорится, что крымские ханы греков и армян «сделали своими невольниками»⁴¹. Целый ряд сведений об армянских поселениях в России, а также армянском населении Кавказа можно было получить из популярного словаря А. Щекатова⁴². Подобные сведения даются в статьях «Грузия», «Кавказская губерния», «Кизляр» и многих других.

С точки зрения популяризации в России истории и культуры Армении, способствовавшей духовному сближению двух народов, представляет интерес и то обстоятельство, что уже в XVIII в. отдельные памятники армянской материальной культуры начинают появляться в экспозициях русских музеев. В кабинете Петра I хранились и демонстрировались армянские надписи города Булгар. Сохранились отрывочные сведения о наличии в кабинете Петра I и других памятников армянской материальной культуры. Первый описатель кабинета Петра—Осип Беляев, например, сообщает, что в числе «заслуживающих по своей древности внимания зрителей» монет в кабинете Петра демонстрировались и «арменския» золотые и серебряные монеты⁴³.

Уже в петровское время в России проявлялся интерес к атрибутам армянской этнографии. Небезынтересна, например, деталь, сообщаемая И. Голиковым. Рассказывая о карнавальных празднествах, организованных Петром I с 30 августа до 6 сентября 1723 г., Голиков пишет, что Петр сам определял, кому из участников, в каком явиться национальном костюме, и собственноручно составил «роспись», согласно которой ряду придворных было велено явиться в армянском национальном костюме⁴⁴.

В формировании русской передовой демократической исторической мысли велика роль Николая Ивановича Новикова. Изданная им в 70—80-е годы XVIII в. «Древняя Российская Вивлиофика» явилась непре-

³⁷ Там же, с. 356—357, 407 и др.

³⁸ «Плещеева обозрение Российския империи в нынешнем ея новоустроенном состоянии, с показанием новоприсоединенных к России от Порты Оттоманской, и от речи Посполитой Польской областей», издание четвертое, СПб., 1793, с. 184.

³⁹ «Новый и полный географический словарь Российскаго Государства, или лексикон описующий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, исторически, политически, хронографически, генеалогически и геральдически...», ч. I—VI, М., 1788—1789.

⁴⁰ Там же, ч. I, с. 113; ч. VI, с. 280—291 и др.

⁴¹ Там же, ч. II, с. 211.

⁴² «Географический словарь Российскаго государства, сочиненный в настоящем онаго виде», ч. 1—4, М., 1801—1805.

⁴³ «Кабинет Петра Великаго... издано по Высочайшему повелению Императорской Академии наук Унтер-библиотекарем Осипом Беляевым», СПб., 1800, отделение третье, с. 140.

⁴⁴ И. Голпков, Дополнение к деяниям Петра Великаго, т. 14, с. 162.

взойденным для своего времени сводом важнейших источников и документов по русской истории. Примечательно, что некоторые данные и документы, свидетельствующие о русоко-армянских связях и зарождении русской ориентации армянского освободительного движения, в частности материалы, связанные с приездом в Москву известного армянского деятеля русской ориентации Григория Лусикова, были впервые опубликованы в «Вивлиофике» Новикова⁴⁵. Известно, что Н. Новиков придавал большое значение экономической истории. В предпринятых им изданиях дается весьма высокая оценка деятельности армянских торговых кругов и их роли в восточной и европейской торговле. «Армяне отправляют почти одни всю Левантскую торговлю; везде их видеть можно, в Ливорне, Венеции, Англии и Голландии; ездят они на немецкие ярмарки, и поселяются в Марселе»⁴⁶, — читаем в журнале. Опубликованные в журнале Новикова статьи, посвященные Турции, пронизаны явным сочувствием к поработанным в Османской империи народам, подчеркивается их бесправное положение, гонения и преследования. Читатель журнала получал в этом плане много интересных сведений об армянах. В статье «Краткое описание нынешнего состояния Турции, а особливо Европейской» содержатся весьма интересные акценты в связи с национальным составом империи, ясно говорится, что турки составляют меньшинство в своем государстве, а такие нации, как греки и армяне, являются преобладающими по количеству. В статье читаем: «Жители тамошние состоят из многих наций. Природные турки османны составляют меньшую часть и число преков гораздо их боле. Армяне почти столь же многочисленны, как и греки»⁴⁷. В статье резко критикуются деспотические порядки в Турции, указывается, что национальный гнет усугубляется экономическим, так как христиане, которые стремятся освободиться от произвола, платят подать, якобы за облегчение своего положения, но и это является обманом. «Христиане за некоторую подать, — говорится в статье, — принимаются под защиту правительства, есть ли лаши не хотят тиранствовать. Но какая может быть защита и какое терпение под игом деспотизма»⁴⁸.

Другим свидетельством внимания Н. И. Новикова к истории Армении, к ее прошлому и ее борьбе за независимость является весьма интересный факт публикации в его журнале «Городская и деревенская библиотека...» за 1783 г. повести французского писателя Луи д'Юссё — «Арменские князья»⁴⁹. Этот журнал был очень популярен и имел много читателей. Публикация в нем повести из истории Армении с ударением, сделанным на борьбу Армении за свою независимость уже в древние времена, могла дать русским читателям весьма интересные сведения об Армении и ее народе. На наш взгляд, неслучайно и время выхода в свет этой повести на русском языке — 1783 г. Это период активного создания проектов образования армянского государства под покровительством России. В этой повести, на основе принятого в те времена любовного и интимного сюжета, описывается борьба древней Армении против персидских захватчиков во времена Кира и Камбиза. Шестидесятиты-

⁴⁵ «Древняя Российская Вивлиофика», ч. XVI, с. 224.

⁴⁶ «Прибавление к Московским ведомостям», № 49, с. 189.

⁴⁷ Там же, 1784, № 37 с. 271.

⁴⁸ Там же, № 38, с. 279.

⁴⁹ «Городская и деревенская библиотека, или забавы и удовольствие разума и сердца в праздное время содержащая в себе: как истории и повести иравоучительныя и забавныя, так и приключения веселыя, печальныя и удивительныя», ч. VII, 1783.

сячная персидская армия, в составе которой было и 300 слонов, обрушивается на Армению. Тигран, который по определению автора, «толково же благоразумен, колико и храбр»⁵⁰, делает все, чтобы «пролить меньше крови, и «с честью постараться о мире». Армянский царь Тигран, его сын Арзен, его дочь Апамия, армянские полководцы и войска показаны в повести как героические и самоотверженные защитники своей родины.

Весьма знаменателен интерес Н. И. Новикова к армянам, связанный с англо-армянским торговым соперничеством на Востоке. Английская Ост-Индская компания, которая в начале своего проникновения в Индию пошла на компромисс с представителями армянских торговых кругов, с XVIII в. перешла к политике резкого нажима на армян, проживавших в Индии, вплоть до применения прямого насилия, конфискации товаров и кораблей, принадлежащих армянам, ареста и ссылки армянских купцов.

Представители русокой передовой общественной мысли XVIII в. с большим интересом следили за событиями в Индии, резко разоблачали колониальную политику англичан, грабеж и насилия, чинимые ими. Особенно интересовался этими вопросами Н. И. Новиков, опубликовавший на страницах своего журнала «Прибавление к Московским ведомостям» большое количество статей, разоблачавших английскую Ост-Индскую компанию. В этих статьях, частично переводных, частично обзорных, написанных самим издателем, была наглядно показана грабительская политика европейцев в Индии, огромная ненависть индийского населения к ним, выражалась уверенность в победе индийцев над колонизаторами. В этой связи в сферу внимания Новикова попало и армянское население в Индии. В журнале встречаем много интересных сведений об армянских поселенцах в Индии. В одной из статей, в которой описывается город Мадрас, читаем: «Сей город, причащлежачий англичанам и превозходящий величиною, красотою и великолепием все окрестные места, состоит из четырех городов, из которых один обитаем англичанами, другой армянами и чужестранными купцами, третий индийцами, а в четвертом... живут матрозы»⁵¹. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Новиков отделяет «армян» от «чужестранных купцов» в Индии, не рассматривая эти две категории как тождественные. Мы бы не отметили этого только на основе вышеприведенной формулировки, если бы не имели в журнале и других подтверждений подобного подхода Новикова.

Дело в том, что армяне давно обосновались в Индии, естественно, не имели никаких поплзновений на господство, занимались в этой стране отнюдь не только торговлей, в какой-то степени слились с местным населением, участвовали в его борьбе против английских колонизаторов. И наконец, именно индийские армяне были активными поборниками русской ориентации армянского освободительного движения. Видимо, Новиков учитывал все эти обстоятельства, и, разоблачая английских и других западных колонизаторов, рассматривал Индию и проживавших там армян как представителей народов Востока, вместе с ними страдавших от западных колонизаторов. Этим вызваны сочувственные строки в журнале Новикова, относящиеся к индийским армянам. Так например, в опубликованной в том же журнале, в переводе на

⁵⁰ Там же, с. 212.

⁵¹ «Прибавление к Московским ведомостям», 1783, № 15, с. 59.

русский язык, книге немецкого профессора Биша «Краткос повествование о приключениях с бенгалами под владением английской Ост-Индской компании и причинах оных» читаем: «С прилежными армянами, столь нужными для сохранения союза торговли в сих странах, поступала Компания весьма жестоко, и разрушила совсем их продолжаемый там торг»⁵².

В русской исторической литературе XVIII в. нашли отражение многие интересные факты, свидетельствующие о русской ориентации армянского освободительного движения, выражена позитивная позиция русских историков к этой ориентации, к положению армянского народа, что явилось серьезным вкладом в дело сближения русского и армянского народов. Русская дворянская и буржуазная историография XVIII в., придерживаясь своих классовых позиций и исходя из политических и экономических интересов Российского государства, сочувственно относилась к армянскому освободительному движению, к его русской ориентации, к русско-армянскому сближению, совпадающими с интересами России. Понимая классовые основы этой позиции, следует вместе с тем отметить, что в конкретных исторических условиях той эпохи она способствовала укреплению русской ориентации армянского освободительного движения, имевшего для армянского народа прогрессивное значение.

Мысли и положения, выраженные в рассмотренной нами литературе, не оставались достоянием лишь их авторов, а становились общественно-политическим фактором. Русская историческая мысль, являясь частью русской общественно-политической мысли, играла большую роль во взаимоотношениях других народов с русским народом. Указанная литература объективно была адресована как русскому, так и армянскому читателю, воздействовала на формирование взглядов русской и армянской общественности. Конечно, говоря о формировании взглядов русского читателя тех времен, мы учитываем большую разницу понятий «читательская общественность» сейчас и тогда. Однако не следует недооценивать этого понятия не только для России XVIII в., но даже для более ранних времен. Уже рукописная литература средних веков имела в России определенный круг своих читателей, чем и была вызвана большая работа по переписыванию и размножению рукописей. Что же касается XVIII в., то понятие «читатель» в России, как количественно, так и качественно, совершенно преобразилось.

Важную роль сыграли проанализированные выше труды для армянской общественности XVIII в., в укреплении русской ориентации армянского освободительного движения. В этом смысле не следует недооценивать как русского, так и армянского читателя XVIII в. Представители армянской общественности XVIII в. были знакомы с этой литературой, она становилась и их достоянием, так как большие массы армян уже тогда проживали в России—Петербурге, Москве, Астрахани, Нахичевани-на-Дону и во многих других местах; некоторые из них занимали высокое положение при русском дворе и в деловых кругах, служили в русской армии, хорошо знали русский язык и, несомненно, интересовались литературой, относящейся к русско-армянским отношениям. Факты свидетельствуют о том, что труды русских историков В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и других авторов XVIII в. были известны армянским читателям, что многие армяне не только читали, но и были подписчиками на русские книги и журналы XVIII в., как на труды Голи-

⁵² Там же, 1784, № 10, с. 73.

кова, «Вивлиофику» Новикова и др. Армянская общественность была хорошо знакома и с творчеством Карамзина. В 1826 г., еще до присоединения Восточной Армении к России, Хачатур Абовян перевел на армянский язык отрывки из произведений Карамзина. В армянской литературе, уже в начале XIX в., в трудах Г. Айвазовского и других писателей можно встретить высокие оценки, данные представителям русской исторической и общественной мысли—летописцу Нестору, Феофану Прокоповичу, Карамзину, Ломоносову, Тредьяковскому, Пушкину. Интерес представителей русской общественной, и в частности исторической, мысли к истории Армении стимулировал работу армянских общественных деятелей по ознакомлению русской общественности с историей и культурой армянского народа, способствовал превращению России в один из центров издания армянских книг, изучения и пропаганды армянской истории и культуры. Сочувственное отношение авторов русских исторических сочинений XVIII в. к освободительной борьбе армянского народа вызывало не только чувство морального удовлетворения среди армянской общественности, но и способствовало прямым политическим результатам в смысле утверждения русской ориентации армянского освободительного движения.

Весь комплекс русской исторической мысли рассматриваемого периода в целом стал важным идеологическим фактором в укреплении русской ориентации армян, в русско-армянском сближении.

ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԴԵՐԸ ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ
ՄԵՐՁԵՅՄԱՆ ԳՈՐԾՈՒՄ

(XVII դ.—XIX դարի սկիզբը)

ՌՈՐԵՐՏ ԽԱՉԱՏՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հայ-ռուսական մերձեցման տնտեսական և քաղաքական գործոններին նվիրված է մեծ գրականություն. համեմատաբար սակավ են ուսումնասիրված այդ մերձեցման քաղաքական գործոնները և հատկապես ռուսական պատմական գրականությունը և նրա դերը հայ-ռուսական մերձեցման գործում:

Ռուսական տարեգրությունների, ինչպես նաև XVII—XIX դդ. ռուսական պատմաբանների՝ Ա. Լիզևի, Վ. Տատիշևի, Մ. Շչերբատովի, Ի. Գոլիկովի, Մ. Չուկովի, Պ. Բիչկովի, Ն. Կարամզինի, Ն. Նովիկովի և այլ հեղինակների աշխատությունների ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ նրանք զգալի տեղ են հատկացրել հայ ժողովրդի պատմությանն ու մշակույթին, հատկապես դրական դիրքորոշում են ունեցել թուրքական և պարսկական լծի դեմ հայերի մղած ազատագրական պայքարի հարցում, եղել են ռուս-հայկական տնտեսական, քաղաքական և կուլտուրական մերձեցման կողմնակիցներ: Այդ պատմաբանների աշխատությունների նման ուղղվածությունը նպաստել է Ռուսաստանում հայ-ռուսական հարաբերությունների շուրջը դրական հասարակական կարծիք ստեղծելուն և հանդիսացել է հայ-ռուսական մերձեցման գործոններից մեկը: